“Бросайте камни аккуратно, ведь человеку больно...”

Ей надоело отвечать на одни и те же вопросы: о мужьях, об изменах, о красивой жизни... “Нынешние щелкоперы мелко пашут”, - бросила она в сердцах. И предложила не повторять растиражированных страниц ее биографии. “Я вам расскажу о людях, с которыми мне повезло встретиться...” И я согласился, ибо знал, что творческая стезя народной артистки **Натальи Николаевны ФАТЕЕВОЙ** *насыщена любопытными событиями и знакомствами, что она снялась более чем в 60 фильмах, в том числе в таких популярных лентах, как “Битва в пути”, “Наш общий друг”, “Три плюс два”, “Место встречи изменить нельзя”, “Убить человека”, “Анна Карамазофф”, где, кстати, играла вместе с великой Жанной Моро; что ее мужьями были видные наши современники, что она объездила полсвета, представляя отечественный кинематограф за рубежом.*

Встретились в бассейне “Чайка”, что говорило о заботливом стремлении красавицы женщины держать себя в форме и выбирать время для оздоровительных процедур. Сели в уголочек и под свежевыдавленный апельсиново-грейпфрутовый сок Наталья Фатеева поведала мне о некоторых эпизодах в истории советско-российского кино, к которым она была лично причастна. Я не перебивал собеседницу, не задавал ей вопросов. Мы просто плыли по волнам памяти человека, который много видел и много помнит.

ВОТ ТАК ПОЖИТЬ БЫ ГОДИК И УМЕРЕТЬ

Ушло поколение людей, которые делали первые шаги в нашем кино, создавали ему славу. Я, провинциальная харьковчанка, застала их живыми, видела их, слышала. Полтора года я проучилась у Сергея Аполлинарьевича Герасимова. Напротив была мастерская Григория Рошаля. Еще был жив великий Александр Довженко. Я застала и его, хотя пообщаться с ним не пришлось. Запомнила же я его сразу, как только увидела. Его нельзя было не запомнить. Случилось это в студенческой столовой. Времена тогда были бедные, столовая ужасная. Она находилась в бараке рядом со ВГИКом. Еда самая простая - щи, сосиски, винегрет, чай. Помню, что была зима и день был солнечный. Это отразилось в моей памяти потому, что когда я выходила из столовой, то необыкновенная голова Довженко на контражуре светилась какой-то магической аурой. Двойную дверь мы с Александром Петровичем открыли как бы одновременно, я изнутри, а он снаружи. Это “столкновение” я запомнила навсегда. Это было видение красавца мужчины, гордого, беловолосого, с отлично посаженной головой. Хорошо посаженная голова - редкость, и, как правило, когда встречаешь такого человека, - это остается в памяти. Если, конечно, ты живешь вечностью, а не ежесекундной суетой. Так вот, мимолетное свидание с великим Довженко, о котором, к сожалению, мы начинаем забывать, это и есть вечность.

На Студии имени Довженко, где я снималась, еще будучи студенткой, Марк Донской снимал “Мать”, работал Чухрай, только начинали Алов и Наумов, вживался в советский кинематограф Александр Вертинский. Я впервые увидела Аллу Ларионову, которая к тому времени снялась в “Анне на шее” и была необыкновенно популярна. На этаже гостиницы, где мы жили, она брала ключи от номера, и я увидела нечто такое, от чего обомлела: Алла была так хороша собой - светлые волосы, нежнейшая кожа на лице, красивые, ровные зубы. Время было бедное, а на ней каракулевая серая шубка, оренбургский платок - все мне показалось нереальным. Почему? Да потому, что я только-только открывала для себя сказочный мир кино. Меня, студентку Харьковского театрального института, вместе с сокурсницей пригласили на пробу. Вот живая и страшная деталь того образа жизни, в котором мы пребывали. Я жила в нормальном с удобствами доме, а сокурсница в каком-то там бараке. И когда нас поселили в гостинице с бархатными занавесками, тюлем и шелковыми покрывалами, с натертыми мастикой полами и отдельными туалетами, то она просто обалдела. Я уходила из номера, а она запиралась в ванной, чтобы хорошенько помыться. Так продолжалось какое-то время, пока я не решилась ее спросить: “Лиля, почему ты все моешься и моешься?”. Она вышла ко мне с чистыми распущенными волосами, раскрасневшаяся, удовлетворенная и сказала: “Вот так пожить бы годик и умереть”.

Я училась у Тамары Федоровны Макаровой, и для меня это было фантастикой. Я смотрела все фильмы с ее участием - “Семеро смелых”, “Маскарад”, покупала в киосках ее фотографии. Тамара Федоровна была очень стройной, подтянутой, всегда ухоженной женщиной и невероятно красивой. Я могла без конца на нее смотреть. Пока не насмотрелась, не привыкла к ее облику. А рядом были другие знаменитости - Борис Бабочкин, Ольга Пыжова, только-только снявшиеся в первых лентах или пребывавшие, как и я, студентами - Софико Чиаурели, Ариадна Шенгелая... Пятидесятые-шестидесятые годы... Потрясение миром кино, красотой искусства, талантливыми людьми.

ЭЛИЗАБЕТ ТЕЙЛОР - ПОЧТИ ЛИЛИПУТКА

Шли годы. Я активно снималась, становилась известной, и наш “Совэкспортфильм” стал посылать меня в зарубежные поездки, представлять, так сказать, советский кинематограф. Все вояжи в кинематографические столицы мира были интересными, но особенно запомнилась поездка вместе с Романом Карменом и Резо Чхеидзе на фестиваль в Сан-Франциско. Сразу курьезная деталь. Резо, зная, что встретит в Америке земляков, набил свой чемодан хорошими коньяками. И сдал поклажу в багаж. Он полагал, что его чемодан будут оберегать, как английскую королеву. Но не тут-то было, когда мы прилетели в Нью-Йорк, содержимое чемодана вместе с рубашками и костюмами превратилось в разящий коньячным духом винный погреб. Часть выданных нам на каждого 170 долларов ушла на обновление гардероба “варяжского гостя”.

По приглашению знаменитого российско-одесского соотечественника, сумевшего сделать карьеру в Штатах, - Темкина, мы пожаловали в Голливуд. Темкин поселил нас в Беверли-Хиллз, что, конечно же, доставило нам много чести и удовольствия. Корзины цветов, номера с анфиладами, угощение, банкеты. Ощущая бесконтрольную щедрость хозяина, Роман Лазаревич заставил Темкина купить его жене дорогие духи. Темкин много рассказывал интересного, познавательного. О том, как он мечтал снять фильм о Чайковском (и позднее-таки воплотил свою мечту в жизнь); о Мэрилин Монро, которая только что ушла из жизни, о ее любовниках, о наркотиках, которые она якобы употребляла, о последнем ее вечере жизни, когда она, использовав все запасы таблеток, обзванивала друзей и просила о помощи. Оказалось, что в жизни Монро была эдакой неприметной крашеной блондинкой. Но когда приводила себя в порядок, становилась потрясающе эффектной, неотразимой.

Он показал нам виллы Грегори Пека, Мэрилин, многих голливудских звезд. На прием, устроенный им в нашу честь, пришли Момулян, Стенли Крамер и другие звезды. Самым потрясающим моментом было посещение съемочных площадок Голливуда. На одной из них снимался фильм “Кто боится Вирджинии Вульф?” с Элизабет Тэйлор и Ричардом Бартоном в главных ролях. И хотя ни тот ни другой никому не давали интервью, Темкин попросил их принять нас во время съемок. И, о чудо, два знаменитейших актера Америки, два идола Голливуда вышли к нам для беседы. Я поразилась тому, какого маленького роста оказалась вживую Элизабет Тейлор. Мой рост невелик - метр шестьдесят пять, но она на огромных каблуках была мне чуть выше подбородка. Она выглядела едва ли не лилипуткой.

Правда, что греха таить, до этого я почти не видела фильмов с участием и Мэрилин Монро, и Элизабет Тэйлор, где их можно было увидеть у нас, когда только-только открылся “железный занавес”. Поэтому истинного масштаба (не физического, а творческого) этой актрисы я себе не представляла. Оба были с нами приветливы, как и мы с ними, они задали нам несколько вопросов. Все это было сказкой, и я заново когда-нибудь почти воочию переживу то время, когда разберусь наконец со своим огромным фотоархивом.

Вам, наверное, любопытно, о чем все-таки шел разговор, ведь подобные контакты, встречи уже давно история. Кое-что забылось, но точно помню, что ни мы, ни они не лезли в политику, особенно мы. Ведь перед поездками нас так инструктировали, что мы боялись задавать лишние вопросы. На эту тему приключился со мной в Италии один курьез. Какой-то пылкий итальянец, побывавший, по-видимому, у нас в плену и запомнивший несколько фраз по-русски, пригласил меня и моего коллегу покататься на авто. Мы же, перепуганные, зашоренные, не знали, что делать, принять приглашение или нет. Приняли, сели в машину и только тронулись, как вдруг “бывший наш военнопленный” закричал: “Хрущев дурак”. Мы обалдели, приняв эту выходку за провокацию. Переглянулись - никого нет. Слава Богу, и тут же, попросив его остановиться, вышли из машины.

РЕЗИДЕНТ МИХАИЛ ЛЮБИМОВ МОЛЧАЛ, КАК ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

Вообще в зарубежных поездках было много неожиданного, иногда и авантюрного. В Англии, например, я однажды познакомилась с советником по культуре нашего посольства Михаилом Любимовым, которого нынче многие знают и по написанным им книгам, и по телевизионным интервью. Между нами начался роман, который продолжался год или два. Потом, когда его объявили персоной нон грата, мы общались и в Москве. Тогда я не знала, что Любимов - резидент советской разведки, и не могла понять, чем же он меня раздражает. Вроде бы интересный собеседник, близкий мне человек, но какой-то закрытый, застегнутый. Я никак не могла к нему пробиться, чувствуя некое эмоциональное отторжение. Он был словно вещью в себе. Выдерживать это стало невозможно, общение с ним превращалось в пытку. Он молчал, как Зоя Космодемьянская. И при том, что он был мне мил и симпатичен, я покинула его. И вдруг через много лет открываю какую-то газету, это было уже время свободной прессы, и вдруг, о Боже! - Михаил Любимов - резидент! Приехали...

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА В НЕМЫСЛИМЫХ ШРАМАХ

Каждой женщине хочется быть красивой, нравиться мужчинам, не замечать возраста. На эту тему у меня есть воспоминания о Любови Орловой, актрисе-легенде, которая вошла в историю нашего искусства. О ней так много говорили, сплетничали, злословили. Но правда есть правда. Любовь Петровна и впрямь старалась казаться вечно молодой и красивой. И чего только не делала, чтобы, как ей казалось, затормозить ход времени. Последний раз я увидела ее незадолго до смерти, такую маленькую, высохшую, неизлечимо уже больную. Мы оказались рядом в президиуме на сцене Дома кино. И вот она, недоступная, всегда от тебя на расстоянии, хотя мы снимались вместе в фильме, который не вышел на экраны, оказалась рядом, локоть к локтю. И я из-за любопытства, быть может, граничащего с долей неприличия, стала косить глаза на ее шею. Она сидела в парике, в черных очках, но парик был довольно высоко, и я увидела, что вся шея Орловой в немыслимых шрамах, что на ней нет живого места после пластических операций. А я, как и мои подруги-актрисы, тогда и понятия не имела о подтяжках, операциях на лице. Здесь же результат ухищрений в борьбе за вечную молодость, что называется, написан на шее. Я была поражена. Ведь возраст женщины выдают руки, и я увидела руки Орловой, по которым ей нельзя было дать, простите, 18 лет. Да я и лично знала, как выручал Григорий Александров свою суженую: в эпизоде, где героиня Орловой разговаривает по телефону, из-под шкафа закамуфлированно вылезала длань юной дублерши.

Говорят, что она рассказывала, будто бы при переходе улицы милиционеры обращались к ней: “Девушка”. Я помню ее имидж пятидесятых годов - сидящая на телеэкране легенда кино, вся искусственная, со вставными зубами и искусственными украшениями. Я слышала, что у актрисы не осталось ни одной драгоценности и она носила сплошную бижутерию. У Любови Петровны все было построено на бижутерии. Жить хотелось вечно, и легенда советского кино, по-видимому, полагала, что имитация - это пропуск в вечность. Нас тоже, кстати, воспитывали, что социализм вечен, что Ленин бессмертен, что загробной жизни нет, и людей к смерти не готовили. Ни один большевик не хотел умирать, и ни один атеист, наверное, так и не понял, что такое смерть.

ТРАГЕДИЯ ИЗОЛЬДЫ ИЗВИЦКОЙ

С Изольдой Извицкой мы жили в одном доме, только в разных подъездах. У меня тогда родился сын, и я все с коляской да с коляской. А она тогда только снялась в “Сорок первом”, и он шел по всему миру. Изольда сопровождала показы то в одну страну, то в другую. Помню, до этого она снималась у Барнета в фильме “Поэт”, где была необыкновенно хороша собой. Просто очарование, какие были у нее волосы и шея. Ребенок мой подрос, я стала снова сниматься, и мы видались уже реже. А потом до меня дошло: Извицкая пьет. Эта молва мне была непонятной, как-то не соединялся злой мужской порок с тонкостью и изяществом красивой актрисы. Но вот рано утром я встретила Изольду, которая держала в руке бутылку водки, и не просто держала, а пила ее прямо из горла. Своими глазами я увидела подтверждение того, о чем давно слышала много раз. И я остановила себя на мысли: как же она хороша! И как же так можно было себя извести?

А потом, где-то уже зимой, я поехала получать зарплату в тот же Дом киноактера. Мы продолжали с ней быть соседями. Одновременно выйдя из троллейбуса, мы через двор прошли к театру. Одета была Изольда в каракулевую шубку, цвет лица был тем, что называют землистым, и она, я это почувствовала, стеснялась своей ущербности. Прошло еще немного времени, и я узнаю, что муж Извицкой Бредун бросил ее, связавшись с какой-то директрисой то ли магазина, то ли ресторана, дородной, уверенной в себе блондинкой. А дом Изольды превратился в проходной двор.

... После смерти ее обнаружили не сразу. Я пошла на похороны и видела несчастных родителей, отца и мать, хоронивших единственную дочь. Стоял мороз, но светило солнце, словно обогревая холодное кладбище. Мы шли впереди катафалка. Мне почему-то запомнился такой эпизод. Рядом хоронили человека еврейской национальности, и раввин всю дорогу читал молитвы на иврите. Это придавало происходящему какую-то нереальность, будто бы во сне. Евреи почему-то бежали, а мы шли медленно. И еще запомнилось, когда опускали гроб и начали бросать мерзлые комья, раздавался жуткий грохот. А пьяный Бредун кричал и кричал: “Бросайте камни аккуратно, аккуратно, ведь ей же больно...”.

ЗАХОТЕЛА И СТАЛА НАРОДНОЙ

Я замечала за собой некие сенсорномистические ощущения. Вот пример. Никогда в жизни я не волновалась по поводу всяких званий. Не тревожили они меня, и все. И вот как-то звонит Алла Ларионова: “Слушай, что же это такое? Почему нам не дают народных? Давай пойдем куда-нибудь”. А я спокойно отвечаю: “Да никуда мы не пойдем пороги обивать. Сами дадут. Сами вызовут”. И что же? Через какое-то время я и сама подумала: “А и впрямь пора уже стать народной”. И вскоре звонок: “Приходите, заполняйте документы. Вам пора быть народной артисткой России”.

Феликс Медведев